

Анатолий Контуш

НОТЫ

I. Z.

Ты появилась у меня внутри за несколько месяцев до нашего знакомства.

Я хорошо помню, как впервые почувствовал тебя прямо под сердцем, когда в очередной раз остался один; заканчивался октябрь, парки были засыпаны желтыми листьями, и я шел по широкой аллее, разглядывая голубое небо сквозь черные ветви каштанов. Вначале я не сообразил, что произошло, и мне понадобились несколько дней для того, чтобы понять, что ты уже здесь. Я долгое время не знал, что это именно ты, и мне пришлось неделями носить тебя по замерзающему городу, прислушиваясь к легким движениям. Первое время я не представлял, как ты выглядишь, хотя уже знал, что ты есть; проходя по бульварам, я вглядывался в лица идущих навстречу женщин, пытаюсь понять, не похожи ли они на тебя; я заговаривал с девушками в барах и делал им комплименты, ощущая твои негодующие уколы в левом боку; я пытался найти тебя среди тех, с кем был знаком, сравнивая их голоса с тем, что слышал внутри, но звуки не совпадали, складываясь в диссонансы.

– Bonsoir Lucie. Ça va? – Ça va, ça va, et toi? – Merci. Un verre de rouge? – Tu m’invites? Oui, avec plaisir...

– Привет, Валерия! Ну, как насчет сегодня вечером? В восемь у Rhumerie? Уже договорились!..

– Paula? Quelle surprise! Je ne savais pas que tu sois à Paris...

– Ирка, солнце, – слушай, я прилетаю в Москву 17-го на три дня. Было бы здорово, если бы получилось встретиться. – Конечно. Приходи к нам на спектакль...

Я наконец увидел тебя вечером холодного зимнего дня, когда сырой воздух сгустился в темноту над рекой; ты стояла на краю тротуара, и ярко освещенные автомобили прокатывали мимо тебя и исчезали вдаль за мостом.

– Ты знаешь, у меня машина за углом, – сказал я.

– Хорошо, – ответила ты.

Мы проехали по пустующим улицам, пересекли широкую площадь и развернулись под эстакадой. Я смотрел на тебя, когда мы останавливались на перекрестках: твои волосы были гладко причесаны, тонкие губы сжаты, и блики фонарей дрожали на твоём лице. Ты вышла на узкой улице, которая уходила вверх по склону холма; я поцеловал тебя в щеку, пожелал спокойной ночи и поехал ужинать в Le Select.

Я наконец узнал, как ты выглядишь, и теперь можно было наконец рассмотреть тебя со всех сторон. Несколько дней подряд я пробовал делать это, когда оставался один, – в кафе, на улице, в постели перед сном, но быстро понял, что мне не хватает деталей; тогда я снова нащупал тебя под сердцем и стал ждать новой встречи.

В следующий раз мы встретились только через месяц в маленькой чайной на Сент-Андре-дез-Ар. Снаружи было морозно, от реки тянуло сыростью, и мы пили горячий чай из тяжелого чайника, запивая им густой арманьяк. Ты сидела прямо передо мной, улыбаясь в ответ на мою болтовню, и у меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть и запомнить округлую линию твоего лица, мягкий наклон подбородка и ясный свет глаз.

В третий раз я увидел тебя на сцене во время концерта камерной музыки. Ты сидела за инструментом, затянутая в строгое черное платье, и мне был отлично виден твой четкий профиль в контровом свете прожекторов, ровная линия спины и излом коленей. После концерта мы пообедали в ближайшем ресторане и договорились увидеться через день. Вскоре мы начали встречаться чаще, вначале два-три раза в неделю, а потом едва ли не каждый день. Мы никак не могли остановиться и болтали без конца, пытаясь узнать друг о друге как можно больше; иногда мне удавалось прикоснуться к тебе, и тогда к моим уже накопленным знаниям прибавлялись другие – мягкость пальцев, гладкость

кожи, нежность рукопожатия. Теперь я уже хорошо знал, как ты выглядишь, но после каждой встречи добавлял к этому все новые детали – удивленный изгиб бровей, легкий взмах рук, глубокое звучание голоса. Когда мы впервые поцеловались, я увидел тебя совсем близко, так, как никогда раньше – серые глаза, длинные ресницы, влажные губы, родинка на щеке. Когда я впервые остался у тебя ночевать, список того, что я знал, пополнился такими пунктами – некоторые из которых вполне можно было назвать позициями, – что я отказался от дальнейших попыток его пополнения в вербальных формах. Прошло еще немного времени, мы стали видеться ежедневно, и наконец я приблизился к тебе настолько, что ты оказалась одновременно внутри меня и снаружи. Теперь я мог разговаривать с тобой, когда и как угодно; я рассказывал о себе, слушал твои истории о детстве, о больнице, о далеком северном городе; однажды мне показалось, что я знаю о тебе все, и в это момент ты зазвучала во мне музыкой.

Начиналась весна; в один из теплых ясных дней ты пригласила меня к себе, и мы долго сидели в густеющих сумерках у окна, открытого в маленький двор на авеню Мальзерб, а потом, когда совсем стемнело, любили друг друга на ступеньках деревянной лестницы в бледном свете уличного фонаря. Первое время я не мог понять, что это, но постепенно научился различать отдельные ноты, которые однажды сложились в мелодию. Это было что-то несложное и грустное, похожее на песенку Куперена или Перселла; вначале я не мог запомнить ее, но постепенно, встречая тебя снова и снова, выучил целиком и даже научился насвистывать несколько самых простых пассажей; мы гуляли по вечерним улицам и заходили в кафе погреться под газовыми горелками, ослепительно светящими синим. Через некоторое время эту мелодию сменила другая, тоже старинная, но уже не такая печальная, которую теперь наигрывала флейта; мы ходили в кино, прогуливались по набережной и время от времени обедали вместе. Стало совсем тепло; горожане сменили куртки на пиджаки, на улицах появились музыканты, и звучащая во мне мелодия стала похожей на что-то из Дворжака в исполнении скрипичного ансамбля. Наконец наступило лето; мы катались на пароме, сидели до ночи в кафе и уезжали в прогулки в лес;

твоя музыка превратилась в безостановочный старомодный джаз середины пятидесятих, и труба то и дело будила меня по ночам, потянувшись за саксофоном. Темп ускорялся, звучание усиливалось, и нам было все сложнее обходиться друг без друга, потому что тогда музыка ослабевала, а нам уже было нельзя без нее. Целыми днями мы не могли оторваться друг от друга. «Не уходи», – говорила ты, когда я только направлялся к двери. «Не уходи», – говорил я, когда ты начинала собираться на работу. Музыка все убыстрялась, превращаясь в рок, а иногда в рэп, и мы постепенно выбивались из сил, утомленные этим невозможным ритмом.

Однажды вечером, пытаясь уснуть после очередного дня, до краев заполненного нашим изнурительным счастьем, я почему-то вспомнил, как был поражен, когда впервые оказался у тебя дома. Ты собирала старинные клавишины эпохи барокко, и они заполняли всю твою крошечную квартиру, стояли у стен, громоздились в проходах, висели под потолком. Иногда ты открывала один из них, быстро убрав на пол стопки книг, лежавших на его крышке, и начинала играть; я тогда садился рядом и следил, как ноты выскакивают из-под твоих пальцев, разлетаясь по комнате всплесками нежных мелодий. Все эти ноты, они жили в тебе, они появлялись откуда-то снизу, из глубины, понемногу поднимались вверх, собирались в аккорды, фразы, мелодии, дожидаясь момента, когда, наконец, можно будет пролиться музыкой. Когда это в конце концов получалось, ноты выплескивались из тебя, они разлетались во все стороны, когда ты играла, они разбрызгивались по полу, когда ты опрокидывала бокал вина, потянувшись ко мне через стол, они стекали у тебя по ногам в нашей спальне, когда мы стояли лицом к лицу, все еще вздрагивая, закрыв глаза и вцепившись друг в друга.

Проснувшись утром, я, как обычно, пошел в душ и по дороге случайно задел маленький украшенный росписью клавишин, который стоял у стены. Клавишин покачнулся, на мгновение застыл и упал, расколовшись на множество полированных дощечек. Полуодетая, ты вбежала в комнату, упала на колени и бросилась собирать дощечки, то и дело вытирая слезы. Я попытался что-то сложить из обломков, но ты так взглянула на меня из-под растрепавшейся пряди русых волос, что я отвел взгляд, быстро со-

брался и ушел по делам. Когда я выходил на улицу, примитивная мелодия рэпа стала совсем грубой, и мне послышался какой-то диссонанс; я перешел на другую сторону, остановился на углу и стал смотреть, как свежий ветер раскачивает колючие шарики каштанов. Прошло несколько дней; мелодия стала мягче и тише, напоминая Мишеля Леграна; вызванный по телефону мастер аккуратно склеил клавесин, но когда я возвращался домой под мелким дождем, в осеннем воздухе отчетливо прозвучала фальшивая нота, которую сыграл рояль. Я замер, но это не помогло; через несколько секунд за первой нотой последовала другая, потом третья, и я еще не успел снять мокрый плащ и оставить зонтик в прихожей, как мелодия рассыпалась на отдельные ноты, которые упали вниз, покатались по полу и исчезли в пыли под шкафами.

Несколько дней я бесцельно бродил по городу, прислушиваясь к каждому звуку, молча сидел в кафе, стараясь ничего не пропустить, и просыпался по ночам, вслушиваясь в шорохи за стеной, пока однажды утром, бреясь перед зеркалом, наконец не почувствовал, что музыки больше нет, что я снова один и что у меня внутри пустота.

Я закончил бритье, вытер лицо, оделся, поцеловал тебя, прикрыл за собой дверь, спустился по лестнице, вышел из ворот и полетел над усыпанным желтыми листьями бульваром, уносимый неизвестно куда холодным северным ветром.

Париж

